

Глава 104. Не похожи

Лу Хуэй попытался ретироваться:

— Кто вообще будет тебя трогать? Я голоден, пошли есть.

Но Мин Чжаолинь просто закинул ногу, уперев ботинок в подлокотник дивана прямо за спиной Лу Хуэя, и своим согнутым коленом намертво заблокировал ему путь к отступлению.

Одной рукой он по-прежнему придерживал край своей футболки. Выпрямив спину, он возвышался над Лу Хуэем, глядя на него свысока, и произнёс почти командным тоном:

— Трогай.

Лу Хуэй: «...»

Терпеть это он больше не мог, но отступать было некуда: его поясница упёрлась прямо в тот самый подлокотник, на который давил Мин Чжаолинь!

Поэтому Лу Хуэю оставалось лишь старательно отводить взгляд от этих откровенно соблазнительных мышц:

— Слушай, чувак, ты вообще в своём уме? С какой стати я должен тебя трогать?

Мин Чжаолинь вскинул бровь, совершенно не видя в своих действиях ничего предосудительного:

— Потому что мне искренне любопытно.

Лу Хуэй, разумеется, догадывался, что именно вызвало это любопытство. Всё дело в том, что, когда Мин Чжаолинь прикасался к нему, реакция Лу Хуэя была слишком бурной, что и породило у напарника эту смесь недоумения и исследовательского интереса.

Лу Хуэй попытался выбить эту дурь из головы напарника:

— Ты вообще понимаешь, как называется то, что ты сейчас делаешь?

Мин Чжаолинь приподнял бровь:

— И как же?

— Это называется сексуальное домогательство!

Лу Хуэй стиснул зубы:

— Неважно, заставляешь ты меня тебя трогать или делаешь то, что делал секунду назад... Знаешь, в реальном мире за такое на тебя бы уже заявили в полицию?!

Мин Чжаолинь и правда не знал:

— Но ведь врачи при медицинском осмотре тоже трогают пациентов.

Лу Хуэй сделал каменное лицо:

— Ты врач? Ты сейчас проводишь мне медосмотр? Мин Чжаолинь, давай начистоту: то, что ты только что вытворял, допустимо исключительно в кабинете врача или между супругами. Скажи на милость, к какой из этих категорий ты себя причисляешь?

Чем больше он говорил, тем спокойнее становился, решив даже прибегнуть к старому, проверенному трюку: — Мин Чжаолинь, раз ты так лапаешь меня, ты, случайно, не влюбился в меня?

Произнеся эту фразу, Лу Хуэй сам почувствовал лёгкую тошноту.

Если бы не дурманяще-аппетитный аромат хого, доносившийся из-за спины Мин Чжаолиня, он мог поклясться, что вырвал бы ему прямо на ноги.

До чего же мерзко.

Но, по какой-то неведомой причине, Мин Чжаолинь вдруг перестал вестись на эту уловку.

Он даже не шевельнулся и не опустил край футболки, лишь криво усмехнулся, глядя на Лу Хуэя:

— Я же сказал, мне просто любопытно, почему у тебя такая бурная реакция... А-Мань, кстати, этот вопрос я должен был задать тебе. Твоя реакция на мои прикосновения — ладно, можно списать на повышенную чувствительность. Я же всего-то позволяю тебе коснуться меня в ответ, а ты опять устраиваешь спектакль?

— Ты что, влюблён в меня, поэтому боишься прикоснуться?

Мин Чжаолинь слегка склонил голову набок, намеренно перекрывая Лу Хуэю любую возможность отмазаться тем, что он просто не хочет трогать неприятного ему человека:

— Зная твой характер, ты бы не просто потрогал в ответ, чтобы я прочувствовал, насколько тебе было паршиво, но и добавил бы что-нибудь сверх меры, верно?

Лу Хуэй: «...»

Он сделал жест, призывающий остановиться, а свободной рукой потёр область желудка:

— Меня сейчас вырвет.

Мин Чжаолинь понимал его настолько хорошо, что это вызывало физическое отвращение.

А уж эта фраза «ты влюблён в меня»... Тьфу, от неё желудок скрутило окончательно.

Лу Хуэй уже набрал в грудь воздуха, чтобы объяснить, что он не делает этого не потому, что он не Мин Чжаолинь и ничего не понимает, а потому что, если бы Мин Чжаолинь поцеловал его, чтобы вызвать отвращение, Лу Хуэй не стал бы целовать его в ответ из мести, а прибегнул бы к другим, более изощрённым методам... Но он не успел и рта раскрыть, как Мин Чжаолинь внезапно сжал его запястье и резко притянул к себе.

Совершенно неожиданно ладонь Лу Хуэя прижалась к твёрдому, как камень, прессу Мин Чжаолиня.

Ладонь Лу Хуэя инстинктивно дёрнулась от обжигающего жара, но вырвать руку из железной хватки напарника он не смог, и ему оставалось лишь чувствовать, как кончики его пальцев скользят по рельефным линиям мышц Мин Чжаолиня.

Честно говоря, плотность мышц Мин Чжаолиня была просто феноменальной. Он относился к тому типу людей, чьё тело не теряет упругости даже в полном расслаблении: его торс оставался твёрдым, как сталь.

Но это было только полбеды. Главная проблема заключалась в том, что сам Лу Хуэй был тем ещё мерзляком и страдал от хронически пониженной температуры тела. Поэтому, прописывая Мин Чжаолиня, он наделил его аномально высокой температурой тела, а заодно и необъяснимой с научной точки зрения способностью не бояться ни холода, ни жары.

В конце концов, он просто писал для собственного удовольствия, наплевав на всякую логику.

И теперь эта писательская прихоть обернулась против него самого.

Температура тела Мин Чжаолия казалась Лу Хуэю не просто тёплой, а обжигающе горячей. Этот жар, словно живое пламя, лизал его ладонь, заставляя его инстинкты кричать о необходимости немедленно отстраниться.

Лу Хуэй, напрягшись до предела, приподнял веки и бросил взгляд на Мин Чжаолия.

Длинные пряди склонившего голову Мин Чжаолия тяжело свисали вниз. В полумраке комнаты они идеально скрывали блеск его глаз, отчего эти притягательные «персиковые» глаза казались ещё более мрачными, нечитаемыми и откровенно опасными.

...Раз уж рука уже там, сворачиваться теперь, как стыдливая мимоза, было бы глупо — это лишь дало бы Мин Чжаолию полный контроль над ситуацией.

Поэтому Лу Хуэй заставил себя расслабить пальцы и, повторяя движения Мин Чжаолия, повернул запястье, плотно обхватив ладонью талию напарника.

Что ни говори, эти мышцы были действительно... чертовски впечатляющими.

Даже просто глядя на них, можно было оценить колоссальную взрывную силу и мощь Мин Чжаолия, а тактильные ощущения при прикосновении и вовсе сложно было описать словами.

Если уж быть совсем точным, Лу Хуэй мог бы лишь мысленно отправить всем тот самый смайлик с зажатым носом и поднятым вверх большим пальцем, чтобы передать всю глубину своих ощущений.

Высший пилотаж.

Ведь даже поясница Мин Чжаолия не была мягкой — под пальцами явно ощущалась плотная, рельефная мускулатура.

Он и вправду... недаром Лу Хуэй создал его именно таким. Если судить исключительно по навыкам рукопашного боя, он был боевой машиной номер один как в центральной зоне, так и в Утопии.

Мин Чжаолия, казалось, напрягся ещё сильнее, стоило Лу Хуэю лишь коснуться его талии, а хватка на запястье стала ещё крепче.

Лу Хуэй бросил на него короткий взгляд:

— Тебе что, неприятно?

Он тихо цокнул языком и попытался убрать руку:

— Может хватит уже? И пора меня отпустить? Ты... ты сам попросил меня тебя потрогать, а теперь так сжимаешь мою руку. Неужели хочешь, чтобы Система отправила тебя в карцер?

Если бы Мин Чжаолинь вздумал покалечить ему руку, Система бы мгновенно телепортировала его в карцер ещё до того, как он успел бы это сделать, пресекая любые подобные инциденты на корню.

Услышав голос Лу Хуэя, ресницы Мин Чжаолиня едва заметно дрогнули.

В следующее мгновение, не успев даже осознать происходящее, Лу Хуэй вновь оказался прижат к дивану.

Его спасло лишь то, что он успел инстинктивно вскинуть вторую руку, уперевшись локтем в пространство между ним и Мин Чжаолинем.

Шея Мин Чжаолиня упёрлась в его предплечье, и он замер, не предпринимая дальнейших действий.

Но в его персиковых глазах не осталось и следа от привычной насмешливой игривости. В них плескалась лишь бездонная тьма, в которой бушевала такая опасность, что у Лу Хуэя мурашки побежали по коже. И всё же он совершенно не мог понять, о чём думает напарник в эту секунду.

«...»

После долгой тишины Лу Хуэй заговорил первым:

— Мин Чжаолинь, чего ты хочешь?

Ресницы Мин Чжаолиня снова дрогнули, и Лу Хуэй почувствовал, как кадык напарника скользнул по его предплечью.

Голос Мин Чжаолиня прозвучал гораздо тише и хриплее обычного — возможно, из-за того, что он говорил почти шёпотом:

— ...Я и сам не знаю.

Такой тон был для него большой редкостью.

Он чем-то напоминал тот момент у въезда в деревню Цзюаньлоу, когда Мин Чжаолинь сказал: «Скажи мне, кто я, и я не убью тебя. Никогда». Но в то же время это было совершенно иное чувство.

Как бы то ни было, от этого голоса огонёк в груди Лу Хуэя дико затрепетал, словно вот-вот погаснет под порывом шквального ветра. Это непередаваемое ощущение мгновенно разлилось по телу, заставив его невольно сжать кулаки и нахмурить брови.

Однако Мин Чжаолинь уже поднялся, попутно помогая подняться и Лу Хуэю:

— Давай сначала поедим.

В его тоне сквозило абсолютное «забудь».

...Да, он не понимал. И если бы Лу Хуэй первым задал ему этот вопрос, он бы понял ещё меньше. Ведь он даже не мог спросить у Лу Хуэя, что с ним происходит.

Он просто не умел задавать людям подобные вопросы.

Глядя на спину Мин Чжаолиня, Лу Хуэй в очередной раз ощутил укол вины.

В конце концов... это он сам прописал Мин Чжаолиня таким какой он есть.

Он наделил его плотью и кровью, но не дал способности понимать эмоции. Более того, с самого начала он не заложил в него даже самую возможность научиться чувствовать.

Лу Хуэй сел за стол и, наблюдая, как Мин Чжаолинь опускает мясо в кипящий бульон, налил себе лимонный чай и едва шевельнул губами.

На самом деле он хотел кое-что сказать, но слова застряли в горле, и вместо этого вырвалось лишь:

— Включи свет, что ли.

Прогноз погоды в Утопии на сегодня обещал переменную облачность с дождём, и к этому моменту на улице уже опустились сумерки, из-за чего в комнате стало довольно темно.

Мин Чжаолинь лениво вскинул взгляд:

— У тебя что, рук нет?

Поддерживая атмосферу, Лу Хуэй лениво парировал:

— Свежесломанные. Ты же сам их только что свернул, неужели забыл?

Мин Чжаолинь скользнул взглядом по запястью Лу Хуэя, на котором уже начали проступать синяки от его пальцев, криво усмехнулся с явным оттенком насмешки, но всё же встал и включил свет.

Лу Хуэй тут же подхватил:

— Благодарю великодушного босса за проявленную милость.

— В самом прямом, буквальном смысле «поднятой руки»*.

* 高抬贵手 (gāo tái guì shǒu) — классическая китайская идиома, используемая как просьба о снисходительности, пощаде или смягчении наказания. Буквально: «возвысьте благородную руку». В разговорной речи означает «не будьте слишком строги», «отпустите с миром», «закройте глаза на проступок». Лу Хуэй использует её здесь с двойным смыслом: как благодарность за то, что Мин Чжаолинь его отпустил, так и в буквальном физическом смысле (когда тот поднял руку, чтобы включить свет).

Мин Чжаолинь тихо фыркнул, но тут же вспомнил о шрамах на теле Лу Хуэя — как свежих, так и старых...

Он, конечно, применял к нему лечебный спрей, но он исцелял лишь раны, полученные в текущем инстансе, а не старые шрамы. Поэтому...

— Откуда у тебя эти шрамы?

— ...Ты что, волнуешься обо мне?

Лу Хуэй тихо присвистнул:

— До чего же мерзко.

Мин Чжаолинь бесстрастно глянул на него и замолчал.

Вдоволь наевшись хого, они вскоре дождались доставки мороженого. Мин Чжаолинь заказал по одному шарикку каждого вкуса, и Лу Хуэй прекрасно понимал почему. Порции были

довольно большими, так что они просто делили каждый шарик пополам.

Лу Хуэй не был привередлив в еде, а Мин Чжаолинь и подавно.

Наевшись до отвала, Лу Хуэй расслабленно откинулся на спинку стула, совершенно не желая двигаться.

— Не вздумай здесь уснуть. — бросил Мин Чжаолинь.

— ...Тебе следовало бы сказать: «Не ложись спать на полный желудок», — лениво поправил его Лу Хуэй. — Это вредно для желудка.

Мин Чжаолинь:

— ...Я не обязан о тебе заботиться.

Он поднялся и с каменным лицом направился к дивану:

— Будем смотреть кино?

Лу Хуэй задумался на секунду:

— Давай.

Он с трудом поднялся, неторопливо пересел на диван и спросил:

— Что хочешь посмотреть?

Мин Чжаолинь пожал плечами:

— Понятия не имею. Выбирай сам.

— ...Тогда включим «Шоу Трумана*»? — предложил Лу Хуэй. — Я как раз хотел пересмотреть его.

* Культовый фильм Питера Уира (1998) с Джимом Керри в главной роли. Главный герой, Труман Бёрбанк, не подозревает, что вся его жизнь — от рождения до каждого дня — это круглосуточное реалити-шоу, транслируемое на весь мир. Все вокруг него — актёры, а его город — гигантская декорация. В веб-новеллах, особенно в жанре infinite flow и LitRPG, отсылка к фильму используется как маркер иллюзорной реальности, скрытого наблюдения или

осознания себя частью чужого сценария.

Мин Чжаолинь порылся в поиске и тут же нашёл фильм.

Однако тот, кто только что заявлял о желании пересмотреть картину, спустя треть экранного времени внезапно повис на плече Мин Чжаолиня.

Мин Чжаолинь замер. Он скосил глаза на Лу Хуэя и увидел, что тот полностью утратив бдительность, крепко спал, привалившись к нему. В руках Лу Хуэй, то ли по привычке, то ли просто так, сжимал декоративную подушку, и сжимал её довольно крепко.

Только в такие моменты, глядя на Лу Хуэя, Мин Чжаолинь по-настоящему ощущал, что перед ним всё ещё «ребёнок».

Не в смысле инфантильности, а именно из-за юных, ещё не огрубевших черт лица и...

...какого-то невыразимого ощущения.

Мин Чжаолинь некоторое время пристально смотрел на спящего, затем потянулся, выключил телевизор, обхватил Лу Хуэя за талию и, пригнувшись, легко поднял его на руки. В этот момент подушка, которую сжимал Лу Хуэй, естественно соскользнула и с глухим стуком упала на пол.

Увидев, что даже от этого Лу Хуэй не проснулся, Мин Чжаолинь понял, что на этот раз тот действительно вымотался до предела.

Ведь ему пришлось не только мчаться по лабиринту на пределе возможностей, но и в уме просчитывать его карту. Эти бесконечные извилистые коридоры свели бы с ума любого, даже если бы он смотрел на них с высоты птичьего полёта. Обычный человек просто не смог бы это запомнить. «Цзюнь Чаомань» же, находясь в самой гуще событий, полагался исключительно на память о пройденном пути и интуитивное чувство направления, возникшее ещё при входе в замок, чтобы вычислить местоположение финальной точки и проложить маршрут.

А иногда, упираясь в тупик, приходилось разворачиваться и начинать всё сначала.

Мин Чжаолинь считал свою память феноменальной, но работать мозгами на такой бешеной скорости параллельно с боем, вычисляя маршрут за считанные секунды, как это делал «Цзюнь Чаомань»... Ему казалось, что «Цзюнь Чаомань» просчитывает всё быстрее, чем любой искусственный интеллект.

Мин Чжаолинь уже проходил инстансы с технологиями будущего, так что знал, о чём говорит.

Мин Чжаолинь часто задавался вопросом: неужели «Цзюнь Чаомань» и правда человек?

Но после нескольких совместных инстансов он мог с уверенностью сказать: да, он человек.

Потому что у «Цзюнь Чаоманя» был богатый спектр эмоций, которых напрочь лишён был он сам.

Они не были похожи.

Авторское послесловие:

Эх, когда я писала эту последнюю строчку, мне самой захотелось плакать. И сейчас, перечитывая текст при вычитке, я всё ещё чувствую, как к горлу подступает ком.

<http://bllate.org/book/12898/1729999>